

Секреты нежной страсти

Загадка старого имения

Елена Арсеньева

Елена Арсеньева

Загадка старого имени

«Автор»

2010

Арсеньева Е. А.

Загадка старого имения / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2010

ISBN 978-5-699-43279-0

После смерти старого барина в Протасовку прибывают сразу двое незнакомцев: молодой франт Жорж Скей и Сашенька, дочь друга покойного барина. У каждого из них есть собственная тайна, и их появление в имении вовсе не случайно. Что они ищут здесь и какие сюрпризы ждут всех обитателей Протасовки, остается только догадываться...

ISBN 978-5-699-43279-0

© Арсеньева Е. А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Елена Арсеньева

Загадка старого имения

Глава 1

Прибытие незнакомки

Чудным майским днем 183* года по утоптаным дорожкам старого сада, окаймленным свежей и яркой первой травой, бежала девушка лет восемнадцати, одетая с той небрежной простотой, которую позволяют себе наши уездные барышни, уверенные в том, что гостей нынче не будет, а значит, можно не изощряться с нарядами. На ней было зелененькое барежеевое¹ платьице, в котором эта светловолосая девушка и сама казалась цветком, подобием тех одуванчиков, которые там и тут пестрели в траве под деревьями.

Сад, пронизанный солнечными лучами и осененный голубым ясным небом, был полон птичьего щебета, благоухал свежестью и первым яблоневым цветом, и все здесь являло картину самого радостного бытия... Все, кроме лица самой девушки. Его нежные милые черты омрачала тревога. В руке девушка держала распечатанное письмо, изредка взглядывая на четкие, резким острым почерком написанные строки, и тогда еще пуще беспокойство выражалось на ее лице, а взгляд пугливо обегал окрестности, словно ей чудилось, будто за каждым деревцем или кустиком таится опасность.

Девушка выскочила из-под деревьев на просторную поляну, за которой находился барский дом – одноэтажный, на высоком фундаменте, с двумя флигелями по обе стороны фасада, выдержанный в стиле истинно русского «деревенского классицизма», при котором дворяне наши сельские изощрялись деревянным, оштукатуренным и покрашенным в желтый и белый цвет строениям придавать внушительный вид и благородные пропорции, – и со всех ног бросилась к крыльцу, на котором был накрыт к чаю стол. Около него с беспокойным видом похаживала женщина, одетая по-старинному – в сарафан, простой летник и повойник. Впрочем, при появлении девушки лицо ее немедленно приняло строгое выражение, и она назидательно проворчала:

– Зачем бегать так-то?! Сколько раз говорено!

Ее полное, румяное лицо сорокапятилетней женщины, еще не утратившее некоторой свежести, можно было бы назвать красивым, если бы не густые, сросшиеся у переносицы брови и пронзительные черные глаза. Даже при взгляде на девушку они не смягчились, словно перед ней стоял провинившийся ребенок, а не взрослая барышня.

– Извольте руки мыть, Олимпиада Андреевна, да за стол скорей. Пышки небось простыли уже... – снова укоризненно начала она, но осеклась, только сейчас обратив внимание на письмо, которое сжимала девушка. Мгновение смотрела на него с хищным выражением, а потом протянула: – А э-э-это еще что такое?!

– Зосимовна... – проговорила та, чье имя было Олимпиада Андреевна, хотя гораздо более пристало бы ей ласковое Липушка... (к слову, именно так к ней и обращались покойные родители, а оттого и мы станем называть именно так, как бы ни изощрялись строгая нянька, почтительные слуги или вежливые соседи), – Зосимовна, со станции почту привезли². Я как раз

¹ Бареж (*франц.* от названия города Варè) – сорт легкой шелковой полупрозрачной ткани. В начале XIX века это был один из самых дорогих материалов, пока для его изготовления не стали использовать отходы прядения, соединяя шелковые, шерстяные или хлопчатобумажные нити.

² Имеется в виду почтовая станция. На таких, устроенных на расстоянии около двухсот верст одна от другой, проезжающие отдыхали или меняли лошадей; сюда же доставлялась почта для окрестных жителей, которую забирали они сами, а иногда

у ограды была, меня мальчишка окликнул и письмо передал. Зосимовна, это *от нее* письмо! Она ответ написала! Она едет! Она здесь будет не нынче, так завтра!

Черные брови собеседницы так и столкнулись у переносицы, выражая недовольство, но тут же лицо приняло равнодушное выражение:

– Не пойму, о чем вы лопочете, барышня. Кто такая она? Куда едет? Откуда? Какой такой мальчишка и что за письмо он вам отдал?!

– Разве не видишь? – Липушка нетерпеливо сунула ей бумагу, которую держала в руке. – Александра Даниловна едет! Ну, мадемуазель Хорошилова – та самая, о которой перед смертью папенька сказывал! Которой я написала сразу после его кончины, а она все не отвечала! И вот ответила! И едет!

– Откуда вы это письмо взяли, Олимпиада Андреевна? – тут же спросила нянька. – Кто вам его передал?

– Или ты оглохла? Да говорю ж тебе – мальчишка! – с досадой ответила Липушка. – Деревенский какой-то, белобрысый... а, вспомнила! Это Федотка, сын кузнеца. Да-да, помню, как мы с Николашей Полуниным катались, а у моей Незабудки расшаталась подкова, и мы остановились около кузни, а этот Федотка нам квасу напиток принес, а квас оказался кисловат, и Николаша сказал, что не квас это, а сущая татарская буза, и Федотка обиделся и заревел, дескать, барин их басурманами называет, коль говорит, будто их квас – это буза татарская. А Николаша...

– Погодите, барышня, – бесцеремонно прервала Зосимовна, и выражение простодушного, самозабвенного оживления, которое взошло на лицо Липушки, когда она вспоминала об этом эпизоде, а особенно – когда произносила имя неведомого Николаши, мигом угасло. – Как письмо к этому Федотке попало?

– Да почтальон передал, как еще? – пожала плечами Липушка. – Там целый мешок был газет, которые еще папенька выписывал, но от которых мы никак не можем отписаться, мною заказанные журналы, альманахи, книжки... Все это Федотка должен вот-вот в дом принести, он в обход пошел, вокруг забора, а я как письмо увидела, так схватила его – ну как было удержаться, к нам же никто давным-давно уже с тех пор, как папенька скончался, не пишет, – прочитала – и мигом напрямик, через сад. Так я Федотку и обогнала... а вот и он идет, – указала она на мальчишку, входящего в ворота со стороны большой дороги с объемистым рогожным мешком в охапке, в каких обычно отправляют многочисленную почту, направленную по одному адресу.

Был мальчишка белобрыс, веснушчат, босоног, одет в домотканую одежду и мало чем отличался от прочих своих деревенских сверстников. Правда, выражение его синеглазой физиономии было весьма смышленное и даже лукавое. Впрочем, при виде сурово сошедшихся бровей Зосимовны он замедлил шаг и начал сбиваться с ноги. Вид его сделался озабоченным и виноватым. Однако это произошло не потому, что он на самом деле чувствовал за собой провинность. Просто в присутствии строгой няньки, по сути дела – домоправительницы и после смерти барина управительницы имения, всякий из протасовских крестьян начинал ощущать себя виновным во всех смертных и не смертных грехах и в любую минуту мог ожидать наказания, всегда сурового и никогда не отменявшегося даже прежним господином, тем паче – робкой барышней.

– С каких это пор ты, Федотка, почтальоном заделался? – сурово спросила Зосимовна. – А Савелий где ж?

– Да там, на мостках. Там девки столовое белье прут³, Савелий и задержался с Агашей поболтать, – простодушно пояснил Федотка. – Увидел меня и говорит – на тебе, снеси к Зоси-

почта развозилась станционными служителями.

³ Прать (*старин.*) – полоскать, бить вальком. В старину это обычно делали в проточной воде, на речках, на мостках,

мовне почту. Да гляди, говорит, неси бережней, мешок вон разошелся. – В подтверждение своих слов Федотка показал барышне и Зосимовне порванный край рогожки. – И только он это сказал, как из прорехи возьми да и выпади письмо. Савелий глянул – он же грамотен! – и говорит: ага, это барышне, вишь, написано: *2-же Протасовой Олимпиаде Андреевне в собственные руки*, – его в мешок не клади, не то снова вывалится. Я письмо за пазуху сунул, пяток шагов прошел – гляжу, барышня за оградой гуляют. Ну я и отдал письмо им в собственные руки, как там написано.

– Тебе велено было почту кому нести? – спросила Зосимовна, приподнимая брови, отчего они зашевелились, как две черные гусеницы, готовые вползти под темный ее повойник.

– Тебе, Зосимовна, – отозвался Федотка, глядя исподлобья.

– А ты кому понес, пашенок?

– Зосимовна, ты что? – удивилась Липушка. – За что ты на него гневаешься? Письмо мое, что ж такого?

– Ах так! – подбоченилась Зосимовна. – Ваше, значит? Так чего ж вы с этим письмом ко мне бежите, чего жалуетесь? Сидите с ним, ежели оно ваше, и сами думайте, чего дальше делать и как теперь быть! – И она с самым сердитым видом ушла в дом.

Липушка ошеломленно хлопала глазами.

Федотка постоял-постоял, потом опустил на траву мешок, держать который ему было, видимо, уже невмочь, и сказал:

– Слышь-ка, барышня Липида Андревна... вроде на деревне говорят, вы теперь наша хозяйка, ну, с тех пор, как барин помер?

– Конечно, я, а кто ж еще? – непонимающе посмотрела на него Липушка.

– А коли так, чего ж вы позволяете Зосимовне над собой измываться?! Меня тятенька, бывает, выпорот заслушание, мамка заушину даст, но чтоб нарочно измываться... Где ж на белом свете такое видано? Забылась Зосимовна, что ль?

У Липушки повлажнили голубые глаза, однако она вскинула голову и дрожащим голосом проговорила:

– Как ты смеешь, Федотка, мне такое говорить? Говоришь, Зосимовна забылась, а сам-то?

– Эх, барышня! – глубоко вздохнул Федотка. – Я-то жалеючи, а Зосимовна – нет. Глядишь, она вас со свету сживет и сама в Протасовке засядет владычицей. Тут-то нам всем и придет мертвый конец.

Он жалобно шмыгнул носом и, повернувшись к Липушке спиной, побрел к воротам, понурясь и загребая ногами.

Липушка растерянно смотрела ему вслед, потом вдруг крикнула возмущенно:

– Да как ты смеешь! Да ты ничего не понимаешь! Да ты ничего не знаешь! Нет, ну как ты смеешь?! Да кабы вы знали... кабы вы все знали! Ну почему, почему все меня только ругают и никто не хочет понять?! Да неужели нет у меня на всем свете ни единого друга, который подал бы мне помощь?!

– Если позволите, я буду вашим другом и подам ту помощь, которой вы желаете, – раздался в эту минуту женский голос, и Липушка так и подскочила от неожиданности.

Она изумленно обернулась и увидела высокую девушку, а может быть, молоденькую даму, одетую в серое платье и серую епанчишку, в сером же капоре и с серым небольшим саквояжем в руках. По цвету одежды ее можно было принять за призрак – или путешественницу, потому что наши дамы, отправляясь в дальний путь, предпочитают надевать на себя самые что ни на есть немаркие, невзрачные одеяния. Впрочем, поглядев в лицо этой дамы или девицы, никто не назвал бы ее невзрачною. И это при том, что глаза у нее тоже были серые, а видные из-под глубоко надвинутого капора волосы имели пепельный оттенок. Было ей, судя по всему,

немало за двадцать, однако старой девою назвать ее никто бы не решился, настолько яркими и выразительными были ее черты!

– Кто вы, сударыня, и как попали сюда? – удивленно вскинула брови Липушка.

– У моего экипажа сломалось колесо в версте отсюда, как раз за мостом, я и пришла пешком, – ответила незнакомка. – Не будете ли вы так любезны и не распорядитесь ли послать туда людей и телегу?

– Ах! – воскликнула Липушка. – Я тотчас велю людям, чтобы спешили к вашему экипажу! Вы, должно быть, ехали к Полуниным? Их имение в трех верстах от нашего, вон за той дубравой, – показала она рукой. – Они гостеприимные господа, вы будете очень довольны приглашением... Но только Николай Алексеевич и Ольга Васильевна теперь в отъезде, гостят в городе, а вы к кому же направляетесь, не к Николаю ли Николаевичу?

В голосе ее промелькнула опаска, которую гостя тотчас развеяла:

– Я приехала на почтовых, а с господами Полуниными не имею чести и счастья быть знакомою. Я прибыла к вам... ежели вы – Олимпиада Андреевна Протасова.

– Это я, в самом деле, – кивнула изумленная Липушка. – Но кто вы, сударыня?

– Вы знаете меня, – улыбнулась дама, а может, девица. – Если не лично, то понаслышке. Я вижу в ваших руках свое письмо... обычное дело, что почта неприлично задерживается! Я прибыла по приглашению вашего батюшки, Олимпиада Андреевна. К несчастью, разные обстоятельства задерживали мой выезд... потом я услышала о кончине Андрея Андреевича. И отправилась в путь. Мое имя – Александра Даниловна Хорошилова.

– Александра Даниловна... – припоминая, пробормотала Липушка. – Боже мой, вот так чудеса! Так вот вы какая! Но отец покойный называл вас Сашенькой, и я воображала вас совершенно иной... конечно, вы именно Александра, может быть, Александрина, но не Сашенька. Сашенька – несмышлениш, а вы, наверное, так же умны, как и красивы.

– А я воображала вас совершенно такой, какая вы есть, – с теплотой в голосе произнесла Александра. – С такими же золотыми волосами и голубыми глазами. Вы в точности такая, какой... – Краткую заминку после этих слов мог бы уловить только очень чуткий слух, тем паче что Александра заговорила почти тотчас: – Какой и должна быть девушка, которая носит имя Липушка.

– А вот я имя свое недолюбиваю, – улыбнулась молодая девушка. – Но скажите, бога ради, вы говорите, что отозвались на приглашение папеньки, а разве моего собственного письма вы не получили?

– Нет, только письмо вашего батюшки... это произошло накануне смерти моего батюшки, Данилы Федоровича Хорошилова. Матушка моя умерла давно...

– Ах, какое несчастье! – сочувственно воскликнула Липушка. – Моя маменька тоже покинула сей мир восемнадцать лет назад, произведя меня на свет. Значит, обе мы сироты! Папенька перед смертью заклинал не оставить вас. Он много говорил о вашем батюшке, которому был стольким обязан и которого так и не удосужился достойно отблагодарить. Поэтому я просто не могла не исполнить его последней воли и не написать вам. Не пойму, как могло пропасть письмо?

– Увы, это нередко случается. Но что же именно говорил господин Протасов о моем отце и обо мне? – спросила Александрина, глядя на Липушку своими прекрасными серыми не улыбающимися глазами. Похоже, глаза эти многое видели и понимали, однако постигнуть их выражение стороннему наблюдателю было бы затруднительно из-за необычного странного опалового блеска, который словно зеркало отражал чужие взгляды и всякие попытки проникнуть в душу девушки.

– Ну, папенька говорил, чтобы я считала вас за сестру, и добавлял, что Данила Федорович был прекрасный, очень добрый человек, всегда готовый выручить из беды даже незнакомца, а уж если речь шла о друге, то его доброте не было меры.

– Это правда, – и он был именно таким. И я счастлива, что господин Протасов смог это понять и оценить – пусть даже и накануне кончины.

– Правда, мой отец не открыл, какую именно услугу оказал ему ваш батюшка, – уточнила Липушка, с любопытством глядя на гостью, которая нравилась ей все больше и больше. Да и в самом деле, Александра была очень хороша собой, а загадочность ее удивительных глаз еще более усиливала это впечатление. – Может быть, вы расскажете об этом?

– Я толком не знаю, это случилось еще до моего рождения, – пожала плечами гостья. – Что-то связанное с деньгами... еще мелькали слова о картах...

– О да, папенька сказывал, что в былые времена он был завзятый картежник и немало денег оставлял на зеленом сукне, – вздохнула Липушка. – В его кабинете в ящиках письменного стола, сохранилась целая коллекция карточных колод – и новых, даже не распечатанных, и старых, весьма потрепанных. Он уж много лет не играл, после того как однажды зарекся предаваться сей губительной страсти, однако с колодами этими так и не расстался. Мне тоже жаль их выбрасывать... – Тут Липушка спохватилась: – Да что ж мы здесь стоим? Нужно скорей распорядиться послать помощь вашему возчику!

– Не трудитесь, барышня, я сделаю все, что нужно, – послышался голос, и обе девушки, вздрогнув от неожиданности, повернулись к крыльцу.

На верхней ступеньке, глядя на них, стояла Зосимовна. Собственно, на Липушку она посмотрела лишь мельком и ревниво прищурилась, увидав ее лицо оживленным и радостным, каким оно становилось только в минуты самые счастливые, например, когда приезжал в гости молодой соседский барин Николай Николаевич Полуниин, которого Липушка звала просто Николенькой или Николашей.

– Познакомьтесь, Александра Даниловна, это Зосимовна – нянюшка моя и управляющая всеми делами нашей Протасовки, – отрекомендовала Липушка. Внезапно ей вспомнились слова Федотки о том, что рано или поздно Зосимовна сживет ее со свету и все имение приберет к рукам, но она поспешила отогнать эту неприятную и, конечно, совершенно абсурдную мысль. – Она при мне всю жизнь, с тех пор, как маменька умерла, так меня вырастила и выпестовала. Папенька часто бывал в разъездах, и Зосимовна неусыпно следила за моим воспитанием и образованием.

– Ну что ж, Зосимовна постаралась на славу, – улыбнулась гостья, причем без малейшего лукавства, потому что и манеры, и речь, и строй мыслей, и облик Липушки не имели ни малейшего налета той провинциальной дикости и глупого жеманства, кои слишком часто встречаются у наших сельских барышень и заставляют их выглядеть сущими дурочками.

– Премного благодарны вам, барышня, – процедила сквозь зубы Зосимовна, и Александра поняла, что ее искренний комплимент няньке по вкусу отчего-то не пришелся. Вообще показная заботливость управительницы не обманула гостью: было видно, что явно та с первого взгляда невзлюбила, если не возненавидела, девушку. Что и говорить, девица сия была особа весьма проницательная, да и жизни, а значит, человеческого притворства повидала не в пример больше доверчивой Липушки, которая всякое слово и проявление чувств принимала за чистую монету. Ну что ж, подумала Александра, это даже хорошо, что нянька не дает себе труда притворяться. Как говорят восточные мудрецы, тигр в пустыне менее опасен, чем змея в траве.

– Как же мы разболтались! – спохватилась Липушка. – А вы с дороги! Верно, хотите скорей умыться, переодеться, чаю выпить? Зосимовна!

– О том, чтобы помыться, я мечтаю страстно! – улыбнулась Александра. – И от чаю не откажусь. Но переодеться мне не во что, весь мой небольшой багаж в экипаже, который невесть когда еще вызволят...

Последняя реплика могла показаться невинной разве что простодушной Липушке, на самом же деле это был легкий укол в адрес Зосимовны, которая до сих пор не отправила обе-

щанных людей вытащить экипаж. Та мигом смекнула, что к чему, а потому немедленно ответила столь небрежно, что при желании ее слова можно было счесть за грубость:

– Баню мы только в субботу топим, как и заведено у деревенских, а потому, если желаете немедленно искупаться, прикажу в нетопленную мыльню ведро горячей воды из кухни отнести. Одежду тоже могу дать на время – что-нибудь из ношеного Липушкиного.

– Да ты что, Зосимовна, что ты говоришь?! Что это такое – ведро воды? Немедля вели баню топить! – возмущенно закудаhtала Липушка и принялась заглядывать в лицо госте, словно опасаясь, вдруг та смертельно обиделась и прямо сейчас, с порога, развернется и уйдет.

Однако Александра превесело улыбнулась. Она бывала и не в таких переделках, к тому же ей был нужен этот дом, эта внезапно обретенная подруга, эта свалившаяся на голову удача, а потому она не собиралась сдаваться.

– Благодарю за хлопоты, – любезно кивнула она Зосимовне. – А вы не тревожьтесь, Липушка, мы, горожанки, в баню тоже ходим лишь раз в неделю, зато каждый день привыкли мыться дома и умеем обходиться не столь уж большим числом воды. *Двух* ведер, – подчеркнула она, – мне будет вполне достаточно, только уж пусть вода будет погорячее.

Зосимовна скрипнула зубами, чувствуя, что проигрывает этой самоуверенной особе, которую ну никак, ну нипочем нельзя было вывести из себя. Нянька только собралась сказать, мыл-де душистых в доме не водится, придется обойтись попросту щелоком или мылом, сваренным из собачины... да-да, вот так, погорячее, чтобы вызвать брезгливость в этой незваной вертихвостке, – как Александрина ответила упреждающим ударом:

– А мыла искать не трудитесь, при мне в несессере имеется кусочек, кроме того, в багаже я везу некоторое количество прекрасного *savonnette*⁴ из французской лавки в подарок Олимпиаде Андреевне.

Тут уж Зосимовне пришлось признать поражение. Жизнь научила ее смиряться и выжидать, и она готова была переждать, перетерпеть и сейчас, когда возникла эта новая внезапная помеха давно лелеемым расчетам. Ничего, все сбудется, не нынче, так завтра, а не завтра, так послезавтра. В этом она не сомневалась, а потому вздела на лицо снисходительную улыбку и, кивнув: «Будь по-вашему, барышня!», отправилась в дом отдавать распоряжения.

– Бога ради, извините, – покраснев, лепетала Липушка, – сама не пойму, что это с ней. Не считите нас негостеприимными...

– Ну, гостеприимство оценивают не по поведению слуг, а по приветливости или неприветливости хозяев, – спокойно сказала Александра. – Вы же так милы и заботливы, что никаких обид быть не может, только благодарность. Зосимовна же попросту ревнует. Она привыкла считать вас маленькой несмышленной девочкой, которую нужно опекать на каждом шагу. Воображаю, как она сурова с вашими кавалерами! Или я ошибаюсь?

– Да у меня не столь много и кавалеров-то, – призналась Липушка, порядком растерявшись от такой пронизательности и прямолинейности. – Конечно, соседские молодые люди иногда приглашают на балах и в беседы вступают, но частит к нам только Николенька... то есть Николай Николаевич Полунин... мы с самого детства знакомы, так что он на причуды Зосимовны почти никакого внимания не обращает.

– И что же, хороший он человек, этот Николай Николаевич? – с легким небидным лукавством спросила Александра.

– Очень! – пылко воскликнула Липушка. – Он необыкновенный! И красив, и добр, и смел, и благороден, и весел! Может быть, он самый лучший человек из всех, кого я знаю!

«Может быть, ты не так уж много знаешь людей, оттого так ценишь соседского деревенского увальня», – усмехнулась про себя Александра, но, разумеется, вслух ничего подобного не произнесла, тем паче что появилась Зосимовна и объявила: люди на выручку застрявшего

⁴ La savonnette (франц.) – душистое туалетное мыло небольшого размера.

экипажа отправлены, горячая вода в баню отнесена, так же как и чистые вещи, и полотенца, а еще отданы распоряжения приготовить комнату гостье.

– Я сама прослежу, чтобы там все было устроено наилучшим образом! – воскликнула Липушка. – Вы будете жить вон в том крыле, там прекрасная комната для гостей. Конечно, вы, городские жители, привыкли, я слышала, к домам в два, а то и в три этажа, однако у нас, в деревне, все строят не ввысь, а вширь, оттого дом у нас одноэтажный.

– Я всегда жила в одноэтажном доме, – успокоила ее Александра, – даже полуэтажном, можно сказать. Окошко вровень с землей, маленькая комнатка, самая простенькая обстановка...

– Голодранка, – пробормотала Зосимовна вслед, однако так, чтобы ее никто не расслышал.

Глава 2

Прибытие незнакомца

Спустя совсем малое время – в самом деле, не прошло и получаса, что для свершения дамского туалета можно считать столь же стремительным, как пять минут – солдату для приведения себя в полную боевую готовность, – Александра вышла из дверей бани на дощатую дорожку, ведущую к дому, и счастливо улыбнулась. Она была чистоплотна как кошка, и очень многое для нее в жизни определялось тем, успела ли она как следует помыться, а главное – вымыть свои легкие пепельные вьющиеся волосы. В мыслях словно наступало просветление, с души слетала тяжесть, все казалось возможным и вполне осуществимым. Она чувствовала себя на несколько лет моложе, словно бы не стояли за спиной годы тяжелой, ох какой тяжелой жизни, о которой и представления не имела беззаботная Липушка... Да еще и этот смешной, совсем девчоночий, ситцевый капот, который принесла Зосимовна, страшно понравился Александре, несмотря на то, что был порядком линялым. Когда-то, в самые юные годы, и у нее имелось совершенно такого же бледно-голубого оттенка платье, с коим связаны были какие-то радостные семейные события, жизнь в маленьком городишке Городце, который, несмотря на название, оставался сущей деревней и который Александра обожала... Словом, и от воспоминаний, и от этой свежести она чувствовала себя просто превосходно!

Девушка постояла на дорожке, вдыхая аромат нежной майской зелени и тонкими пальцами безотчетно теребя влажный кончик косы, как вдруг услышала звук шагов и, обернувшись, увидела молодого незнакомца, смелой походкой направлявшегося к ней со стороны сада. Он был высок, черноволос, с резкими чертами лица, бровями вразлет и темными глазами. Он казался хорош той особенной дерзкой красотой смелых в помыслах и поступках мужчин, при виде которых девичьи, да и женские сердца начинают отчего-то биться чаще. Отлично скроенный охотничий костюм прекрасно сидел и весьма шел ему, что на Александру, обладавшую хорошим вкусом, произвело сильное впечатление и к тому же показалось романтичным.

«Кто же это? Хозяин умер, да и был Протасов весьма пожилой человек. Больше, судя по письму Липушки, мужчин в доме нет. А он идет как к себе домой... Наверняка бывал здесь часто, – размышляла Александра. – Боже мой, а что, если это тот самый Николенька... как его? Полунин, кажется, о котором с таким восторгом рассказывала Липушка? Да, теперь я ее понимаю! В самом деле, он красив и вовсе не деревенский увалень! Ну что ж, повезло этой милой девочке...»

И она вздохнула не без зависти.

– Добрый день, сударыня! – подойдя, поприветствовал ее молодой человек. – *Mille pardons*⁵, что вторгся к вам без приглашения и без спросу. Но меня извиняют обстоятельства. Позвольте представиться – Георгий Антонович Ский, владимирский помещик.

«Так это не Полунин! – изумилась Александра. – Георгий... какое красивое имя! А фамилия странная...»

– А вы, верно, Олимпиада Андреевна, дочь моего старинного знакомого Андрея Андреевича Протасова, точнее, старинного знакомого батюшки моего? – продолжал Ский. – Наслышан о вашей красоте, но, винюсь, думал, что описания вашей внешности льстят оригиналу. Однако что я вижу?! Обворожительности этой сельской жительницы может позавидовать любая светская дама, избалованная комплиментами поклонников. Ах, с какой печалью провижу я ваше будущее... наверняка вы уже просватаны за какого-нибудь местного медведя...

⁵ *Mille pardons* (франц.) – тысяча извинений.

Сможет ли он оценить вас? Даст ли вам видеть мир и предоставит ли возможность миру любоваться вами, или навсегда похоронит в этой глуши?

Александра смотрела на Ского во все глаза, дивясь не столько витиеватости его выражений, сколько бесцеремонности, с которой тот общается с дамой, не будучи с ней знаком, и позволяет себе суждения о ее жизни. Это заинтриговало Александру. И хотя приличий ради следовало бы признаться, что она не является той, за кого ее приняли, девушка не спешила это сделать.

– Благодарю вас, вы весьма любезны, – проговорила она, пытаясь принять вид застенчивой, истинно деревенской скромницы. – Однако скажите, Георгий Антонович, вы что же, изпод Владимира так и шли пешком? Где ваша коляска, где ваш багаж?

– Шутить изволите! – засмеялся Ский. – Нет, я не шел пешком. Но моя коляска застряла на мосту через Тешу! Мы въехали на мост и увидели, что перед нами стоит экипаж, у которого слетело колесо. Вместо того чтобы остановиться посреди моста и ждать, пока те люди починят свою колыхагу и уедут, мой возчик отчего-то решил повернуться. К сожалению, при неуклюжем крене доска под нами провалилась, и мы засели прочно! Возчик сказал, что Протасовка здесь совсем рядом, а если держать путь напрямик, дорогу можно еще сократить и подойти к дому через сад. Я и взял на себя такую смелость. И, надо сказать, благословляю теперь небеса за эту catastrophe с моим экипажем, потому что на пути моем возникли вы, Олимпиада Андреевна, и я могу прямо сейчас, вдали от посторонних взоров, сказать, что с самого первого взгляда...

Ский наговорил бы еще невесть что Александре, которая была и удивлена кое-чем, и ошеломлена натиском этого господина, и испытывала огромное удовольствие от этого натиска, и с трудом удерживала смех, – кабы не послышались торопливые шаги и перед баней не очутилась бы Зосимовна. Черные гусеницы ее бровей немедля ринулись под повойник, выражая несказанное изумление, кое овладело ею при виде незнакомца.

– Су-дарь, – проговорила она с запинкою, – позвольте спросить вас, кто вы и какими судьбами оказались здесь?

– Честь имею представиться, Георгий Антонович... Ский, – с достоинством отрекомендовался тот. – Я ехал из Владимирской губернии с визитом к Андрею Андреевичу Протасову, о чем давно уж было меж нами условлено.

– С визитом к Андрею Андреевичу?! – с видом крайнего недоумения воскликнула Зосимовна. – О господи, сударь, да неужто вам не ведомо, что Андрей Андреевич отдал богу душу уже с год тому?!

Ский с беспомощным выражением взглянул на Александру:

– Как так?! Быть не может?! Какое несчастье... Отчего же мне не ушло письма, об сем печальном событии извещающего? Ведь по количеству писем, коими обменялись наши с вами родители, можно было судить об их коротком знакомстве, об их дружбе...

– Стойте-ка, сударь, – сердито сказала Зосимовна. – Писем вашего батюшки и в самом деле не одна пачка, однако, с позволения спросить, отчего это мадемуазель Хорошилова должна извещать вас о кончине Андрея Андреевича?

Ский чрезвычайно удивился:

– Какая такая мадемуазель Хорошилова?!

– Да вот эта, – небрежно кивнула Зосимовна на Александру. – Вот эта самая!

– Как?! – снова до крайности изумился Ский. – А разве это не мадемуазель Протасова?!

– Да нет, я не мадемуазель Протасова, – сочла нужным вмешаться Александра, которой не нравилось, что о ней говорят, будто о неодушевленном предмете. – Меня зовут Александра Даниловна Хорошилова, и это мой экипаж застрял на мосту через Тешу, перегородив путь вам, господин Ский.

– Я отправила людей, его скоро вытащат, а багаж ваш будет доставлен с минуты на минуту, – сообщила Зосимовна, явно сделав над собой усилие. Похоже, будь ее воля, она вообще не замечала бы Александры.

Впрочем, та не разозлилась, а только усмехнулась, подумав о том, что Зосимовна ведь наверняка крепостная, а значит, сменись у Протасовки хозяин да окажись недоволен самовластностью домоправительницы, то вполне способен отправить ее на торги и продать невесть кому и куда. А хозяин легко может смениться, ну, к примеру, выйдет замуж Липушка... Да мало ли что! Ведь и хозяйка в Протасовке может оказаться совершенно иная, гораздо более сильная и непреклонная, чем теперешняя... Да, фортуна переменчива, об этом забывать не следует. Впрочем, Зосимовна, конечно, далека от философии и живет – словно по наезженной колее катится. Но Александра Хорошилова, коей в жизни всякое пришлось повидать и всякие дороги ощутить под своими ногами, прекрасно была осведомлена, сколь неверно и призрачно будущее, даже если в данный миг оно кажется определенным и незыблемым.

Она рассеянно оглянулась на кусты набиравшей цвет сирени, в которых послышался какой-то шорох. Наверное, птица спорхнула.

Впрочем, гораздо больше какой-то там птицы Александру занимало то, почему Зосимовна питает такую явную неприязнь к дочери старинного друга своего покойного хозяина. Ревнует Липушку, которую полагает безраздельной собственностью? Или тут скрыто что-то еще, о чем Александра не знает? Ну что ж, это еще предстоит выяснить... но для начала следует раз и навсегда осадить Зосимовну. Александра Хорошилова не может позволить себе зависеть от расположения или нерасположения какой-то крепостной бабы, будь это хоть даже и нянька Липушки и фактическая распорядительница в Протасовке.

И все-таки странное какое произошло совпадение. Протасов накануне своей кончины призвал в свой дом дочь и сына старых друзей. Какую цель он преследовал? Облаготворить их? Или дать дочери подругу и... друга? Возможного жениха? А если так, то что же Полуниин? Или он был негоден отцу Липушки?

В следующее мгновение Александра опустила голову, чтобы скрыть улыбку: происходящее очень напоминало ремарки, коими снабжают действие господ драматурги. Сначала возле бани появилась она сама, потом – «та же и Ский», потом – «те же и Зосимовна», ну а теперь оказались «те же и Липушка». Выбежала из сада, радостная, оживленная, с букетом незабудок, с возгласом:

– А это мы вам в комнату поставим, Сашенька, то есть Александра Даниловна!.. – и осеклась при виде незнакомого мужчины.

– Это и есть Олимпиада Андреевна Протасова, – негромко проговорила Александра, исподтишка наблюдая за Ским и читая те выражения, которые в миг единый мелькнули в его лице.

Сначала это было острое разочарование, потом спокойствие холодной оценки и вот тотчас – восхищение столь безудержное, что Липушка, наткнувшись на пылкий взгляд его темных красивых глаз, смешалась, покраснела и пробормотала растерянно:

– Ой, кто это?

– Георгий Антонович Ский, владимирский помещик, сын покойного друга вашего батюшки, – снова пришлось рекомендоваться гостю. – Был зван в Протасовку, за недостатком времени задержался, вот наконец собрался – и прибыл, даже не ведая, что Андрей Андреевич уже покинул сей мир. Конечно, я понимаю, сколь бестактно и несвоевременно мое появление, а потому, как только повозка моя будет снята с моста, я попрошу у вас позволения откланяться и воротиться в свою вотчину.

– Что вы, что вы! – в два голоса воскликнули: Липушка – с простодушным протестом и Зосимовна – с искренним радушием. И далее нянька сама повела разговор, нимало не заботясь о вежливости по отношению к молодой хозяйке:

– Коль вы были званы барином, значит, вы дорогой гость в этом доме. Располагайтесь и живите сколько угодно! Я провожу вас в лучшую гостевую комнату и прикажу истопить баню, чтобы вы могли хорошенько отдохнуть с дороги.

При этих последних словах Липушка и Александра невольно переглянулись. В глазах юной хозяйки был стыд. Зосимовна в очередной раз продемонстрировала свое пренебрежение к Александре. Спору нет, расстояние в полторы сотни верст между деревушкой Протасовкой, находившейся за Арзамасом, на южной окраине губернии, и Нижним Новгородом преодолеть было не в пример проще, чем более чем триста верст до Владимира. Однако это все же немало, особенно для женщины! А Зосимовна держалась так, словно Александра была сильным мужчиной, совершившим легкую пешую прогулку, а Ский – слабой женщиной, приехавшей изда-лека в почтовой карете. Этого и стыдилась Липушка, но весьма удивилась и обрадовалась, заметив в глазах Александры смех, который та едва сдерживала. Так уж складывалась жизнь мадемуазель Хорошиловой, что больше всего она любила разгадывать загадки, скрытые в натурах человеческих, и загадку Зосимовны готова была разгадать тоже. Ничего, что это крепостная крестьянка – простые люди сложностями своих мыслей и глубиной сердечных переживаний ничем не отличаются от представителей знати, это Александра давно усвоила. Она даже потеряла руки от предвкушения того, сколь много любопытного откроется ей в этом доме...

– Вы озябли? – встревожилась Липушка. – Этот капот слишком легкий! Ну какая же ты, Зосимовна, не могла найти чего-то попримочней! Я сейчас же принесу вам шаль, Александра Даниловна, а ты, Зосимовна, вели подать самовар. Надобно согреться.

– Умоляю, зовите меня просто Александрю, не нужно отчества, – попросила гостя. – И из-за чаю не тревожьтесь, я ничуть не озябла.

Зосимовна слегка усмехнулась, весьма довольная тем, что незваная девица осознала наконец свое место.

– А меня прошу называть Жоржем, – вставил Ский. – Я столь много наслышан о вас, Олимпиада Андреевна, что считаю почти родным человеком и прошу позволения называть вас Липушкой.

– Конечно-конечно... – растерянно пролепетала та, а Александра спрятала улыбку и отвела взгляд на ближайшие кусты.

– Прошу вас в дом, – пригласила Зосимовна и понесла свое дородное тело по дорожке.

Ский подал руку Липушке, они последовали за нянькою. Липушка заботливо оглянулась на задержавшуюся Александру, однако та кивнула с видом успокаивающим:

– Я забыла в бане гребенку, сейчас заберу и последую за вами.

Она и в самом деле вошла поначалу в баньку, однако, выйдя оттуда с гребенкою, не поспешила вслед за прочими, а свернула к сиреням и, остановившись возле кустов, негромко произнесла:

– А теперь выходите оттуда и отвечайте, зачем прячетесь.

Глава 3

Еще один персонаж

Кусты раздвинулись, и на дорожку выбрался высокий молодой человек. Он был широкоплеч, с растрепанными соломенными волосами, смущенно-простодушным выражением лица. Его вполне можно было принять за деревенского увальня, кабы не одежда, в которой обычно хаживают наши молодые помещики: черные брюки, заправленные в сапоги, просторная белая рубашка с накинутой поверх легкой тужуркою да картуз. Ну и когда он заговорил, весь строй речи немедля выдал в нем человека образованного и начитанного, хотя изъяснялся он чрезвычайно просто, без витиеватостей, свойственных, например, Жоржу Скому.

– Извините, сударыня, я надеялся, что меня никто не заметит.

– Вы не вор ли часом? – усмехнулась Александра, которая и так никогда за словом в карман не лезла, а кроме того, почувствовала себя рядом с незнакомцем необыкновенно легко и свободно, будто знала его всю жизнь.

– Нет, я не вор, – улыбнулся он. Улыбка его была чуть застенчива и очень шла его привлекательному лицу. – Я сосед господ Протасовых, меня зовут Николай Николаевич Полунин. А вы... вы Александра Даниловна Хорошилова, насколько я расслышал? И предпочитаете, чтобы вас именовали без отчества, просто Александрой?

– О, так вы довольно давно сидите в своем укрытии? – рассмеялась Александра. – И что еще успели услышать?

– Что сей хлыщ, который просит называть себя Жоржем, тоже намерен погостить в Протасовке, – помрачнел Николай Полунин.

– И вам это не нравится? – проницательно глянула Александра.

– Мне не нравится, что Липушка мгновенно подпала под его дешевое очарование.

– Мне кажется, вы несправедливы, – не согласилась Александра. – Сей господин кажется хорошо воспитанным, а что до образности выражений, это изобличает в нем известную начитанность.

– А по-моему, столь «образно» выражаются приказчики из галантерейных лавок на Большой Покровской улице в Нижнем Новгороде, а не истинно образованные люди, – упрямо набычавшись, ответил Полунин.

– Да вы просто ревнуете, – лукаво поглядела на него Александра. – Вы влюблены в Липушку и боитесь, что...

– Ну да, да. И что?! – с вызовом перебил Николай. – Я всегда считал Липушку своей невестой, это правда, хоть Зосимовна терпеть меня не может и всячески отваживает. Когда был жив Андрей Андреевич, он ее умел в узде держать, а после его смерти чертова баба как с цепи сорвалась. И хотя господин Протасов вроде поговаривал, что отдаст за меня Липушку, теперь я боюсь об этом даже заговорить, ведь она и шагу без совета Зосимовны не ступит. Что, если та велит – откажи ему?! Как жить тогда?! – Голос его дрогнул.

– Вы, верно, с Зосимовной поссорились когда-то, вот она вас и невзлюбила? – предположила Александра.

– Я с ней не ссорился, но вечно спорил, – признался Николай. – В том смысле, что не скрывал от нее своих мыслей: крепостная крестьянка может быть для барышни кормилицей и нянюшкой, но не может быть ей наставницей во взрослой жизни и не имеет права диктовать, как и с кем себя вести. Андрей Андреевич это понимал и привозил к Липушке то бонну, то мамзель, то учителя музыки и танцев, но Зосимовна их всех из дому выживала. А теперь меня к Липушке, можно сказать, не подпускает, ни на минуту с ней не оставляет наедине, вечно

твердит, что неприлично неженатому молодому человеку запросто бывать в доме, где живет одинокая сирота, молоденькая девушка. Ну и всякую такую благопристойную чушь несет.

– Может быть, она именно намекает, что-де пора вам к Липушке посвататься? – улыбнулась Александра.

– Я закидывал удочки, – угрюмо ответил Николай. – Но меня остановили на полуслове – дескать, не время еще, пусть хотя бы год после смерти Андрея Андреевича пройдет.

– Что-то я не заметила, чтобы здесь траур носили, – не удержалась от колкости Александра.

– Ну, знаете, мы, деревенские помещики, все эти тонкости не так блюдем, как городские, – извиняющимся тоном проговорил Полунин. – Приличия требуют траур первый месяц носить, но потом уж кто как хочет, тем более летом...

– А вот, кстати, о приличиях, – задумчиво проговорила Александра. – Если Зосимовна твердит, что вы компрометируете Липушку, оставаясь с ней наедине, тогда отчего же она так легко оставила с ней господина Ского? Совершенно незнакомого, вообще случайного человека? И пригласила его пожить в доме, хоть и видит впервые? А сей господин весьма ловок в обращении с девушками, насмотрелась я на таких в Нижнем! Остановят хорошенькую особу на улице, заговорят зубы, засыпят комплиментами... Тем, что потоньше в обхождении, букетик купят у цветочницы, а для простушек и леденец на палочке сойдет, потом в провозатые навязнутся, по пути примутся ручку пожимать или в плечико целовать, потом с этого плечика косыночку стянут, к шейке подберутся... Да при этом такого наплетут, такого сладкого дурману навеют, что девушка увязнет в их речах, словно муха в меду. Тут уж и до греха недалеко...

Полунин побледнел и произнес с отчаянием:

– Ну пропал я, не видать мне Липушки как своих ушей!..

– Погодите, – строго остановила его Александра. – Не спешите впадать в тоску. Думаю, что дела ваши поправить можно, но сперва нужно посмотреть, что здесь и к чему творится. Может, и тревожиться-то не о чем, а может, наоборот, начинать действовать нужно немедленно.

– И долго вы будете смотреть? – с надеждой возрился на нее Полунин.

– Ну, я довольно приметлива, – снова загадочно усмехнулась Александра. – И соображаю быстро. Давайте завтра встретимся с вами в это же время в этом же месте. А теперь прощайте, мне пора идти. И вы тоже уезжайте домой!

– Прощайте. Да хранит вас бог! – Полунин склонился к ее руке и снова полез в сиреневые кусты, за которыми, похоже, пролегал его путь домой.

Глава 4

Подсматривать и подслушивать иногда бывает весьма полезно

Александра заторопилась к дому, размышляя о том, что пребывание в Протасовке, пожалуй, обещает стать весьма интересным. Она вспоминала свою унылую нижегородскую жизнь, где самыми светлыми часами были те вечерние часы, которые она проводила в книжной лавке на Большой Покровской улице – у своей крестной матери. Та была замужем за владельцем небольшой книжной лавки и частенько пускала великую книгочейку Сашеньку отве-сти душу в лавке после того, как оттуда уходили покупатели и приказчики. Чего только не читала там Александра! И античных мудрецов, и фривольные или чувствительные романы, и стихи Пушкина, которого обожала, и переводные новинки, и модные дамские журналы, и естественно-научные сочинения... Без преувеличения можно сказать, что все ее образование было из этих томиков в разнообразных сафьяновых или матерчатых переплетах. Она с упое-нием проглатывала книгу за книгой, не думая о той минуте, когда крестная придет отпереть лавку и выпустить Сашеньку, чтобы возвращалась домой. Тогда счастье кончалось. Пора было перемещаться из разноцветного выдуманного мира в рутинный реальный. На улицах было уже темно, она бежала, держась вдоль стен и оград, сторонясь каждого прохожего, отпуская порой оскорбительные выкрики ей вслед (поздним вечером одинокая девушка казалась легкой, доступной добычей любителям сомнительных удовольствий), уповая только на бога. А в голове все еще кружились картины прочитанного, сцены невероятных приключений и страст-ных объяснений, прекрасные слова и образы, которых не отыщешь в повседневной жизни... Однажды крестная нечаянно заснула, и некому было прийти в лавку и выпустить Сашеньку. Та провела ночь за книгами... Может быть, то была самая счастливая ночь в ее жизни! Однако каким ужасным оказалось пробуждение, что обнаружила она, когда воротилась домой! Вся жизнь ее с тех пор совершенно переменялась, словно с ног на голову встала, а вот к добру или к худу это произошло – это Александре еще предстояло понять.

Она махнула рукой, словно пытаясь отогнать тяжелые воспоминания, и уронила в траву гребенку. Подобрала ее, стряхнула травинки, закрутила на затылке все еще влажную косу, заколола ее – и услышала знакомую уже торопливую тяжелую поступь.

Кажется, это Зосимовна возвращается! У Александры не было ни малейшей охоты встре-чаться с ней лишней раз. Она прынула в окаймлявшие дорожку кусты, затаилась – и через миг мимо поспешно прошагала Липушкина нянька. Еще мгновение Александра размышляла: пробежать ли ей в дом, чтобы, воспользовавшись минутой, когда Липушка останется без сво-его цербера, поговорить с глазу на глаз, не опасаясь быть одернутой Зосимовной. Однако что же могло так озаботить зловредную наместницу, из-за чего та неслась куда-то, ног под собой не чуя? Любопытство оказалось сильнее, поэтому девушка тихонько выбралась на дорожку и, бесшумно ступая босыми ногами, по дорожке последовала за Зосимовной.

Между тем та спешно обогнула дом и направилась к конюшне. Приоткрыла дверь, позвала кого-то и тотчас подалась обратно, а из дверей показался невысокий кряжистый парень, которому слово «конюх» пристало так же, как слово «дуб» пристало дубу. Он был слегка кривоног, длиннорук и чем-то напоминал коренастого конька монгольской породы, тем паче что имел узкоглазую, татароватую, широкую физиономию.

Александра порскнула за куст – и вовремя, потому как Зосимовна повернулась к парню и сердито произнесла:

– Ну, Савелий, и надоел же ты мне! Все, лопнуло мое терпение! Сулила я тебе, что за малую провинность отдам тебя в рекруты при ближайшем наборе, а Агашка твоя ненаглядная за Митьку горбатого замуж пойдет? Вот и настал тот час.

– Зосимовна! – ошеломленно простонал Савелий. – Матушка... да за что же такая кара смертная?!

Александра в своем укрытии покачала головой. Ай да Зосимовна! Ну сущая палачиха. Диво, что бедный парень вовсе мертвый не упал от таких страстей!

– Неужто не ведаешь? – ядовито спросила Зосимовна. – Не ведаешь, в чем провинился?

– Не ведаю... – буркнул Савелий.

– А помнишь, как пакет с почтой Федотке, сынишке кузнеца, отдал, а сам со своей портомойницей Агашкой любезничал?

– Да ты что, Зосимовна, рехнулась – за такую ерунду такую кару назначать?! – возопил Савелий. – Какая беда в том, что почту Федотка принес?!

– Беда не в том, кто что принес, а в том, что ты из моей воли вышел! – грозно просвистела Зосимовна. – И за это придется заплатить! Клянусь, что свершу над тобой все, что обещала.

– А я к барышне в ножки... – дрожащим голосом, но все еще храбрясь, начал было Савелий, однако Зосимовна, угрожающе подавшись к нему всем телом, злобно прошипела:

– Нашел заступницу, дурачина! Барышня-то из моей воли не выходит! Все сделает, что я ни велю!

– Зосимовна! – простонал Савелий и повалился на колени. – Не погуби! Да я больше никогда!.. Назначь испытание – все сделаю, что ни скажешь, только смилуйся! Мне ж тогда в омут головой легче...

– Назначить, говоришь, испытание? – глумливо усмехнулась Зосимовна. – Изволь. Но уж в последний раз я тебе прощаю, запомни!

– Запомню! – слегка ожил Савелий. – Говори, делать что?

– Собирайся в дорогу! В дальнюю дорогу! – приказала Зосимовна.

– В какую еще дорогу?! – оторопел Савелий.

– Поедешь в... узнаешь там все про... а заодно побывай у... – понизив голос, говорила Зосимовна, и Александра с досадой нахмурилась: она мало что могла разобрать, потому что Зосимовна и Савелий перешли на шепот, и вскоре нянька поспешно ушла, а парень с понурым видом побрел в конюшню.

– Вот же чертова Зосимовна! – сердито пробормотала Александра. – Опасна и хитра, сущая змеища!

– Змеища – она змеища и есть, – неожиданно прозвучал рядом мальчишеский голос, и Александра не выдержала и засмеялась: уж очень обитаемы оказались кусты в Протасовке!

– Эй, ты кто? – позвала она задорно. – Выходи!

– Я Федотка, – отозвался голос, уже знакомый читателю, после чего из зарослей высунулся белобрысый конопатый мальчишка и уставился на девушку во все свои синие глаза. – А я тебя знаю, – улыбнулся он щербато. – Ты барышни Липушки гостя. Это твое письмо я Зосимовне принес.

– Послушай! – догадалась Александра. – Не из-за этого ли письма весь сыр-бор разгорелся? Не из-за него ли Савелий пострадал?

– Так и есть, – солидно, по-взрослому кивнул Федотка. – Не сойти мне с этого места, коли не из-за него!

– Да, похоже, Зосимовна ни письму моему, ни мне самой сильно не рада, – задумчиво заметила Александра.

– А кому она рада? – хмыкнул Федотка. – Никому не рада. Никого не любит.

– Ну, барышню-то, поди, любит? – заикнулась Александра, но мальчишка решительно замотал кудлатой головой:

– Это пока барышня наша слова молвить поперек Зосимовны боится. А как решится – тут уж полетят клочки по закоулочкам!

– Да кто она такая есть, эта Зосимовна? – презрительно фыркнула Александра. – Крепостная нянька, и все. Что это она тут у вас такую волю забрала?

– Нянька-то она нянька, да знаешь, как покойный барин ей доверял? Когда завещание писал, то подписи-то ставить позвал старого камердинера Феклиста, который его с детства обихаживал, и ее, Зосимовну. Во как доверял!

– И откуда ж тебе такое известно? – удивилась Александра.

– Дак Феклист – мой дед был, он перед смертью и сказывал. Только ты вот что, смотри не проговорись Зосимовне, что я об этом знаю, а то она меня со свету сживет. Вон как она на Савку-то ополчилась. Но это еще ладно! Когда Любанька увидела, что Зосимовна в барском кабинете ночью шарится, и стала за ней подсматривать, да, как на грех, возьми и попади ей на глаза, чего тут было! Любаньку мигом за вдовца Осипа Полуянова выдали, а у того пятеро детей! И всех из Протасовки на дальние пасеки выслали.

– Ну и жестокая она! Вот злодейка! – от души возмутилась Александра. – А зачем Зосимовне было шариться в барском кабинете? Искала что-то?

– Да шут ее знает! – пожал плечами Федотка. – Отомкнула барский письменный стол и давай бумажки перебирать. Так Любанька говорила. Это еще месяц назад было, и с тех пор Зосимовна чуть не каждую ночь в кабинете шарится. Свеча, бывает, чуть не до утра горит. Конешное дело, никто уж не суется подсматривать, жизнь-то дороже!

– Да, забавные дела тут у вас творятся! – в размышлении протянула Александра. – А ведь, наверное, если бы Липушка замуж за господина Полунина вышла, он бы прищемил хвост этой змеище?

– Надо быть, – солидно кивнул Федотка. – Он своевольных дворовых недолюбливает. Да только Зосимовна барышню из своей власти не выпустит и воли ей никакой не даст. Видела небось, как Савка перед Зосимовной трясся? Так же и барышня наша перед ней трясется. Как будто Зосимовна тут хозяйка, а Липушка наша – просто сенная девка.

– Но ведь это полное безобразие! – возмущенно вскинула брови Александра. – Надо что-то делать!

– Надо, – безнадежно вздохнул Федотка. – Да что тут поделаешь, надобно терпеть.

– Ну, знаешь, я не из терпеливых! – фыркнула Александра. – И не желаю, чтобы меня в сенную девку превращали. Я намерена с Зосимовной потягаться. Поможешь мне?

– А то! – радостно вскричал Федотка. – В чем помогать-то?

Александра на минуту задумалась, а потом сказала:

– Для начала хорошо бы узнать, куда и зачем она послала Савелия. Сможешь у него выпросить?

– Велика хитрость! – фыркнул Федотка. – Подождешь, пока я в конюшню сбегаю?

– Ну, давай! – кивнула Александра. – Только смотри, одна нога здесь – другая там. Мне уже давно пора в доме быть. Не хочу я, чтобы Зосимовна меня разыскивать пошла.

– Я мигом! – пообещал Федотка и ринулся в конюшню, а Александра снова спряталась в кустах.

И в эту минуту откуда ни возьмись выскочила красивая собака с крупной головой и плотно прилегающей шелковистой белой шерстью. Вокруг шеи темнела рыжая полоса, напоминавшая ошейник. При виде необычного причудливого окраса собаки Александра так и ахнула. Это же охотничья ищейка редкостной английской породы кламбер-спаниель! Точно такую же Александра видела один раз в доме мужа своей крестной, в Нижнем. К нему в гости заезжал друг из Англии, тоже издатель и, помимо всего прочего, страстный охотник, который путешествовал по России. С ним была его собака, которой хозяин весьма гордился и утверждал, что лучше ее никто не охотился на фазанов, кроликов и вальдшнепов. Умное выражение широкой

собачьей морды Александра, которая вообще питала слабость к собакам, нашла очаровательным. Однако, помнится, хозяин говорил, что у кламбер-спаниелей замечательный нюх. Сейчас пес учует ее и поднимет шум...

Но белая собака лишь бесцельно бродила по кустам, рассеянно поводя носом, потом прошла почти вплотную к Александре, так и не твякнув ни разу. Может, она понимала, что девушка, притаившаяся в кустах, вовсе не дичь, которую надо вынюхивать и поднимать, а потом подавать голос? Пока Александра гадала, откуда здесь мог взяться пес, появился Федотка, и девушка снова бросила встревоженный взгляд в сторону собаки. Однако та не обратила на него никакого внимания. Парнишка залез в кусты и, заметив испуганные глаза Александры, сразу догадался, в чем причина.

– Не бойся ты Нахалки! – засмеялся он. – Она от рождения подслеповата, а нюха и вовсе нету никакого. Раньше была первойшей любимицей у покойного барина, сколько дичи для него во время охоты добыла – и не сосчитать! Но потом утка, на которую она бросилась, извернулась – и долбанула ее аккурат прямо в нос. И, видать, нюх-то ей и перешибла, с тех пор у Нахалки чутье пропало напрочь. А держат ее только потому, что приплод дает отменный, все щенки рождаются с таким нюхом, что иглу в яйце учуют, но вот такого рыжего ошейника ни у кого больше нет. Все просто белые.

– Ну ладно, бог с ней, с Нахалкой, – отмахнулась Александра. – Расскажи лучше, что ты от Савки узнал.

Выражение Федоткиной физиономии стало самым обескураженным:

– И слова не вытянул! Молчит Савка, как камень молчит. Видать, сурово застрашала его Зосимовна! Ну да ничего, не нынче, так завтра я из него все равно секреты выужу, а потом тебе исхитрюсь сообщить.

– Смотри не обмани! – серьезно предупредила Александра, и Федотка так же серьезно ответил:

– Да разрази меня гром! Лопни мои глаза, коли обману!

И, кивнув друг другу на прощанье, наши заговорщики разошлись: Федотка канул в глубь сада, а Александра со всех ног кинулась к дому, лихорадочно обдумывая случившееся с ней за каких-то два часа в Протасовке.

У нее было превосходное настроение. Она просто обожала разгадывать загадки – а тут судьба преподнесла их целую охапку!

Глава 5

О несомненной пользе ночных прогулок

Александра открыла глаза, лишь только начали бить часы, и несколько мгновений лежала, безотчетно считая удары и пытаясь сообразить, где находится. Ей только что снился Нижний, неказистый домишко на Малой Ямской, крики разносчиков ни свет ни заря, стук колес по мостовой и пьяные голоса по ночам... Но дурмящий ночной воздух, вливавшийся в окно, редкие клики птиц спросонья, шумящая свежесть ветра – все было иным, чем в городе, который она недолюбливала и уехать из которого была так счастлива. Покой и блаженство вливались ей в душу с каждым мгновением, и так хотелось снова закрыть глаза и крепко-крепко заснуть до утра... Однако Александра насчитала двенадцать ударов и подумала, что полночь – это самая наилучшая пора для свершения таинственных дел и поиска ответов на загадки. Поспать она еще успеет, а вот побольше разузнать про обитателей этого дома нужно как можно скорее.

Ужин этих загадок лишь добавил. Радушие Зосимовны по отношению к Скому превосходило все мыслимые пределы, она так и бросалась выполнять самомалейшие его желания, предугадывала их, зашпыняла лакеев, служивших за столом... При этом всячески третировала Александру, например, окликнула лакея именно в тот момент, когда тот собирался подавать гостю какое-либо кушанье, и отсылала его за возникшей вдруг надобностью. Видимо, по ее расчетам, на впечатлительную простушку Сашеньку Хорошилову это должно было произвести ужасное впечатление, довести до слез, а может, и подтолкнуть к отъезду из Протасовки. Однако Александра Хорошилова исподтишка лишь забавлялась этим, усмехаясь про себя. Зосимовна зря считает себя умной и хитрой. На самом деле слишком явное выпячивание и подчеркивание радушия к одному гостю и пренебрежения к другой лишь наводило ее изящную противницу на многие размышления и выдавало планы няньки уже на корню.

Она, конечно, с первого взгляда подпала под чары Ского и рассчитывала, что тот – самая что ни на есть подходящая партия для милой Липушки. Зосимовна боится, что более яркая персона – Александра (надо сказать, наша героиня оценивала себя без ложной скромности, прекрасно понимая как недостатки свои, так и достоинства) – перейдет дорогу хозяйке Протасовки, вот и старается задвинуть гостью в тень.

Конечно, Жорж – птица яркая, однако слишком уж вольная. Недаром он сразу заговорил о том, что надо и мир посмотреть, и себя показать. Таких лощеных красавцев Александра видела-перевидела в Нижнем. В деревне Скому вмиг станет скучно, а Липушка знает только эту жизнь, в городе, выйди она за Ского и уедь с ним, будет ей неуютно, страшно, зачахнет она с тоски по родному приволью. Александре всерьез думалось, что для семейной жизни в Протасовке Липушке гораздо больше годился бы деревенский сосед, этот приветливый, скромный Полуниин. Однако Липушка привыкла думать не своей головой, а нянькиной. С утра расписывала немислимые достоинства Николая Николаевича, а за ужином смотрела влюбленными, оловельными глазами на Георгия Антоновича!

Александра вспомнила добродушное лицо Полунина, чудесную его улыбку и подумала, что жизнь в суетных городах тоже не пришлась бы ему по вкусу. Липушка, глупенькая, просто не понимает, какое сокровище преподносит ей судьба в лице этого чистосердечного, милого человека. Дай бог, если удастся противостоять натиску Зосимовны, которая отчего-то уверена, будто лучше всех знает, что нужно для счастья воспитаннице, и прямо-таки подсовывает ей эффектного гостя. Нет, этим двоим счастья рядом не видать, сразу понятно. Липушке нужен

не такой муж, а Скому – совсем другая жена: яркая, решительная, умная, образованная, чтоб во всем была ему под стать!

Александра усмехнулась: не свой ли портрет рисовала она под ручку со Ским? Может быть... Однако сию же секунду она одернула себя, сказав решительное «нет» сердечной дрожи. Несмотря на то что поначалу глаза Ского и загорелись было при виде ее вполне искренним восхищением, он тут же переменялся, узнав, что перед ним не хозяйка Протасовки, а какая-то неведомая гостья... пусть особа очаровательная, но явно бесприданница. Итак, Жоржу Скому нужна не столько Липушка, сколь ее приданое, в то время как Полунина любит именно девушку.

А впрочем, тут же сказала себе Александра, что она знает про Полунина и о его делах? Может быть, он тоже гонится за Липушкиным приданым?

Она тоскливо вздохнула. Увы, ни в ком нельзя предполагать чистоты сердечных помыслов. Даже и в самой себе... тем паче в себе самой!

Александра не слишком-то любила размышлять о своих недостатках. А потому встала с постели (это была замечательно просторная кровать, отнюдь не сколоченная деревенским столяром, а купленная в городе... вообще вся обстановка в господском доме отменного качества и подобрана с тонким вкусом, который дается только большими деньгами) и, накинув поверх сорочки уже свой собственный городской капот, пошла к двери, но ноги мигом озябли на холодном полу. Ночник слабо освещал комнату. Александра совсем уж собралась надеть ночные туфли без задников, сделанные на манер турецких папушей, однако рассудила, что они будут стучать по половицам, и натянула вязаные носки.

Мимолетная улыбка мелькнула на лице Александры при воспоминании о том, с каким любопытством разглядывала Липушка ее багаж. Если Зосимовна корчила пренебрежительные гримасы при виде небольшого количества вещей, то Липушка дивилась изяществу несессера, гребней, щеток, тонкости белья и изысканности платьев. Шелковый узелок с французскими мылами привел ее в совершенно детский восторг, а получив их в подарок, она чуть ли не запрыгала, отчего черные гусеницы на лбу Зосимовны сердито сползли друг к дружке, да так и оставались долгое время.

Увидав в багаже Александры томик стихов, Липушка с гордостью сообщила, что в Протасовке имеется огромная библиотека, которая соседствует с кабинетом покойного хозяина, и ежели Александра любительница читать, то может приходить туда в любое время. Что Александра была любительница читать, нам уже известно, однако она обрадовалась еще и потому, что теперь появилась уважительная причина для беспрепятственного передвижения по дому среди ночи. Если кто-то ее даже и остановит, она может сослаться на то, что, мол, бессонница одолела, вот и решила пойти за книжкой.

Она взяла было маленький подсвечник-ночничок, однако подумала, что не стоит объявлять о своем присутствии заранее. Еще с вечера девушка подметила, что в коридоре по стенам укреплены малые светцы, и наверняка в них всю ночь будут поддерживать огонек. Теперь нужно было как можно осторожнее отворить скрипучую дверь. Александра подошла к божнице, где теплилась лампадка, и, мысленно попросив у господина прощения, смочила деревянным⁶ маслом конец носового платка, после чего щедро смазала петли. Она не сомневалась в снисходительности всевышнего, который не единожды вызволял Александру Хорошилову из самых тяжелых житейских передряг. Тем паче что ею двигали, безусловно, самые благие намерения, дела, можно сказать, богоугодные: она твердо намеревалась осадить зарвавшуюся няньку, которая портила жизнь бывшей воспитаннице, не желая признавать ее полноправной

⁶ Деревянное масло (*старин.*), или елей (*церковн.*) – оливковое масло, которое испокон веков употреблялось для зажигания лампадок. Деревянным оно называется потому, что это масло, в отличие от растительного, получают из плодов, растущих на дереве, а не из семян и трав.

хозяйкой. О том, что Александра заодно намеревалась устранить и помеху своим собственным планам, объяснять небесам она не стала, поскольку святым и так все заранее известно.

В результате ее стараний дверь отворилась бесшумно. Александра высунулась в коридор и увидела, что он и впрямь худо-бедно освещен, вполне достаточно для ее планов. На небе вовсю сияла полная луна, однако сад настолько плотно окружал эту часть дома, что ни единого луча не проникало в окошко, которое находилось в конце коридора. Приподняв подол, она сделала несколько шагов. Неожиданно впереди вспыхнули два ярко-зеленых огонька, и Александра испуганно перекрестилась было, однако тотчас смекнула, что это, видимо, тот самый котик, которого она заметила днем: ленивый, огромный, раскормленный, бело-рыжий, более похожий на ходячую подушку, чем на живое существо. Однако ночью Пуховик (таким было его прозвище, чрезвычайно к нему подходившее!) оживал и отправлялся если не мышей ловить (с такой-то толщиной и за старой больной мышью не угнаться!), то хотя бы наводить на них опаску издали, чтобы помнили, кто в доме хозяин.

– Кис-кис, – машинально поманила его Александра, как делают все при виде кошек, и зеленые глаза тут же приблизились и погасли, после чего она ощутила, как Пуховик прижался к ее ногам и принялся тереться о них теплым боком, трубно мурлыкая.

– Тихо ты! – попыталась утихомирить его Александра, однако кот не унимался и от удовольствия даже начал упоенно постанывать.

– Что это тебя разобрало? Всех перебудишь! – Она попыталась отпихнуть Пуховика, но тот обиженно мявкнул и снова припал к ее ногам, утыкаясь пушистой башкой в подол ночной сорочки.

Вот незадача! Черт же дернул ее позвать этого увальня! Что же придумать? Не отворить ли свою дверь и не впихнуть туда кота? Хотя нет, не дай бог, начнет еще мяукать взаперти и разбудит кого-нибудь!

Как водится, упомяни о черте, и он немедля окажется поблизости.

В самом конце коридора, почти около окна, приотворилась дверь, и оттуда выглянула чья-то голова. Как раз напротив находился светец, и его огонек на миг осветил четкий профиль Жоржа Ского. Он высунулся, потом вышел и замер против своей приотворенной двери.

Пуховик повернул голову на звук в его сторону, и, видимо, Жорж тоже уловил блеск зеленых кошачьих глаз, потому что добродушно позвал:

– Кис-кис!

Александра думала, что Пуховик немедленно ринется к Жоржу с намерением потереться о его ноги. Но ничуть не бывало! Кот не собирался никуда уходить, а снова уткнулся в ее подол и замурлыкал пуще прежнего.

Ни жива ни мертва стояла Александра, ожидая, что Жорж сейчас двинется посмотреть, что там делает Пуховик, и обнаружит ее в коридоре. Само собой, она могла бы, как и собиралась, отговориться тем, что пошла искать книжку, однако на воре и шапка горит, и она не сомневалась, что Жорж заподозрит неладное. Заподозрит – и мигом доложит Зосимовне, потому как не только нянька испытывала к нему великую приязнь, но и гость всячески выказывал ответную любезность и за ужином так и сыпал комплиментами по поводу ее умения держать в узде прислугу, вести дом, обеспечивать порядок и «вращивать столь прекрасные цветы, как Липушка».

Однако сколько Жорж ни всматривался в темноту, ничего там не увидел и, потеряв интерес к коту, медленно сделал несколько шагов по коридору, пристально разглядывая двери. Вдруг он остановился, и только теперь Александра заметила то, чего не замечала раньше: в щели между дверью и косяком мерцал слабый огонек. Там горела свеча, но почему? Комната Липушки находилась в другом крыле, Зосимовна расположилась по соседству с ней, а здесь что? Днем Александра обратила внимание, что эта комната была не просто заперта, но и заложена на засов. А теперь дверь чуть колыхнется от сквозняка. Она отперта... Внезапно ее осе-

нило. Да что же здесь может быть еще, если не кабинет покойного господина Протасова, предмет ночного любопытства Зосимовны! И что же она там разыскивает из ночи в ночь, интересно знать?!

Прижатая к своей двери толстым жарким туловищем Пуховика, Александра не могла двинуться с места, однако Жоржу, похоже, тоже было любопытно, что же делается в освещенной комнате. Он сделал несколько крадущихся шагов – Александра смогла разглядеть, что он босиком, в одной рубашке, небрежно заправленной в штаны, – и приблизился к освещенной двери. Он двигался почти бесшумно, но как раз напротив двери громко, предательски громко скрипнула половица. В ту же минуту огонек погас, словно резко задули свечу, и через секунду слабо потянуло запахом горелого фитиля. Жорж стоял недвижимо, очевидно, опасаясь наступить на скрипучую половицу вновь.

Александра тоже затаила дыхание... По коридору разносилось лишь звонкое мурлыканье Пуховика.

«Да он, наверное, весь мой капот в шерсти своей извозил!» – внезапно пришла Александре в голову мысль, словно это было сейчас самым главным.

Неожиданно дверь загадочной комнаты резко распахнулась и с силой шарахнула по лбу замершего напротив Жоржа. Тот ахнул – и повалился наземь. Перепуганный грохотом упавшего тела Пуховик с фырканием отскочил чуть ли не на середину коридора. Девушка мысленно попросила у бога помощи и плотнее вжалась в свою дверь.

Темная тень замерла в проеме загадочной двери, пристально вглядываясь в лежащего. Потом послышалось громкое: «Ах!» Голос был женский, и Александра немедленно узнала Зосимовну. Нянька продолжала свои поиски – но чего именно?! – в хозяйском кабинете. Но зачем понесло туда Жоржа? Просто из-за бессонницы вышел он из своей опочивальни или вела его некая корысть?

На эти вопросы ответа не было.

Между тем Зосимовна постояла, вглядываясь в темноту. Александра на миг зажмурилась, словно боялась, что блеск глаз выдаст ее так же, как до этого Пуховика. Потом послышалась какая-то возня. Александра приоткрыла один глаз и увидела, что Зосимовна, пыхтя и натужась, оттаскивает обездвиженное тело Жоржа от двери. Кое-как ей удалось это сделать. Потом она притворила дверь и заложила ее засовом, который, судя по всему, оказался весьма тщательно смазан, потому что скользнул в петли совершенно бесшумно.

После этого Зосимовна снова наклонилась над Жоржем и довольно бесцеремонно пошевелила его ногой. Раздался слабый стон.

– Живой, – презрительно пробормотала Зосимовна. – Повезло тебе, могла ведь и голову проломить! И поделом. Больно прыток оказался, милоч! Будешь теперь знать, как нос не в свое дело совать! Тебе другое предназначено, а ты... Ладно, полежи покуда!

И, переступив через неподвижно лежащее тело, она почти бесшумно, с невероятной для своего массивного тела легкостью заскользила в другой конец коридора, за что Александра немедля возблагодарила господя, ибо, пройди Зосимовна сейчас мимо, девушка не удержалась бы от крика ужаса, кой вызывала в ней эта загадочная и жестокосердная особа.

Лишь только Зосимовна скрылась за поворотом, Александра потянула ручку своей двери и юркнула в опочивальню. Дрожащими руками накинула крючок и прильнула лбом к дверному косяку, вся дрожа и благословляя небеса за то, что надоумили ее смазать петли: иначе дверь заскрипела бы и Зосимовна могла бы воротиться и застигнуть ее!

Вообще ей за многое нужно было благодарить небеса, например, за внезапный прилив ласковости Пуховика. Не удержи он ее возле двери, Александра либо попалась бы на глаза Жоржу, либо наступила бы на предательскую половицу напротив двери кабинета – и теперь валялась бы посреди коридора с ушибленной головой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.